

«У меня большие неприятности».

Когда он шёл вместе с наставницей в зал для ритуалов, если бы не то, что каждое утро после пробуждения он подходил к зеркалу и с помощью ключевых слов вмешивался в собственные эмоции — всего за несколько дней список этих слов значительно разросся — рубашка на Лине, пожалуй, уже промокла бы от холодного пота.

Но даже если эмоции у него и оставались насильственно спокойными, левый глаз всё равно пульсировал болью. Осколок, который невозможно было ни увидеть, ни нащупать, медленно вращался в его глазном яблоке, будто раз за разом рассекал ткань и оставлял литься несуществующую кровь.

— Линь, — словно почувствовав что-то, сзади обеспокоенно спросил Фельдграу, — ты в порядке?

— Глаз всё ещё немного болит, — Линь не солгал.

— Ах, точно, — обернулась Яркитога, и жёлтые, словно янтарь, кошачьи глаза за очками внимательно взглянули на него. — Я ведь как раз хотела спросить: что у тебя с глазами?

— ... — Линь не сразу нашёлся с ответом.

На него смотрели двое одновременно с двух сторон, и оба довольно хорошо его знали. Он чувствовал себя так, словно оказался между молотом и наковальней. Даже если он являлся тёмным богом, упасть в обморок прямо здесь от слабости не было бы зазорным.

«С самого начала не стоило вставать в середину группы», — подумал Линь.

К счастью — или, может быть, к несчастью, — сердце у него оказалось крепче, чем им ожидалось. В этот момент он даже смог с ровным лицом ответить наставнице:

— Позавчера я принёс в жертву глаз, и, похоже, что-то пошло не так. Всё время болит. Врач уже смотрел.

— Я ведь говорила, что твои ритуальные круги на глазу были слишком грубыми. Ты не можешь всё время экономить и пользоваться самыми дешёвыми чернилами на грани допустимого качества, — тут же заговорила Яркитога, — в других местах ещё ладно, но если рисуешь круги прямо на теле, то для этого уж точно надо брать что-то получше! И не нужно тратить свои деньги — неужели у Инквизиции нет хороших чернил?

Удачно уводя разговор в сторону, Линь наигранно возразил себе под нос:

— Думаю, всё же дело не в чернилах...

— Чернила тоже влияют, — уверенно заявила Яркитога. — В «Кисть, чернила, поверхность и успешность ритуала» мастер Дракторалл прямо разбирает этот вопрос...

Разговор двух ритуалистов тут же ушёл в профессиональную область. Шедший позади Фельдграу всё больше терял нить рассуждений.

Он смотрел на Линя, который сделал несколько быстрых шагов, чтобы идти вровень с наставницей; его молодой профиль выглядел совершенно спокойным.

Его походка тоже казалась естественной, и, если бы у Фельдграу не было столь острого зрения, он, наверное, даже не заметил бы, как Линь вдруг стиснул зубы и дёрнул мышцами лица.

«Болит куда сильнее, чем он сказал».

Фельдграу вспомнил письмо, которое вчера пришло ему на рабочий терминал. К письму были приложены страницы с медицинскими отчётами.

Поскольку Линь был вовлечён в инцидент с «Раковиной» и стал осведомлённым о строго засекреченной информации, его обследование проверил лично глава медицинского подразделения, а затем уже он передал результаты Фельдграу.

И глава медицинского подразделения, и лечащий врач Линя постановили, что генетическая болезнь у него серьёзная, но признаков ухудшения пока нет, кроме проблем с развитием.

«Но, судя по нынешнему состоянию Линя, совсем не похоже, что всё в порядке. Может, ему и правда стоило бы дать ещё несколько дней отдыха?»

Но Шпиневиль больше не являлся безопасным местом хранения «Раковины», и до тех пор, пока её не перевезут в новое место запечатывания, следовало найти тот исчезнувший осколок.

В такой ситуации, если только Линя не поразило какое-то неразрушимое проклятие и он не оказался в коме или при смерти, его обязаны были вытащить из любой операционной и поставить в ритуальный зал.

Инквизиция платила высокую зарплату и обеспечивала льготы именно за то, что от инквизиторов требовалось в критический момент подставить под удар собственную жизнь.

Но сам Линь наверняка надеялся, что за эту зарплату и льготы он сможет хотя бы прожить подольше.

«...Я тоже этого хочу», — подумал шедший позади Фельдграу и тихо приложил ладонь к груди.

— ? — Линь почувствовал за спиной лёгкий холодок.

Он обернулся, но увидел лишь самое обычное лицо верховного инквизитора, и, недоумевая, снова отвёл взгляд.

Они дошли до ритуального зала.

В каждом секторе центрального отделения Инквизиции имелось несколько ритуальных помещений, которые держали в резерве на случай, если потребуется немедленно провести какой-либо ритуал.

Больше всего их числилось во втором секторе, где располагалось ритуальное подразделение, но самый большой зал находился в первом секторе.

Линь посещал его впервые. Говорили, что это был самый просторный ритуальный зал во всём Шпиневиле, и сравнится с ним размером мог только охранный зал под зданием муниципалитета.

Зайдя внутрь, Линь решил, что слово «ритуальный зал» здесь даже не подходило. «Ритуальный холл» звучало бы куда уместнее. Потолок уходил на шесть метров вверх, а с него свисал светильник — не обычная люстра, а алхимический артефакт. Металлические побеги-ветви соединялись в центре с жёлтым кристаллом величиной с ноготь, вокруг которого висели двенадцать белых кристаллов размером с куриное яйцо.

Эта алхимическая конструкция заливала весь зал ярким светом, и даже человек, вошедший внутрь, не отбрасывал тени на пол. Гладкий цементный настил был чист до блеска, и потому ритуалистам не приходилось тратить время на обязательную уборку перед тем, как начертать круг.

— Прекрасное место, — сказала Яркитога, поставив у двери такой же кожаный чемодан, что и у Линя, и оглянувшись по сторонам. — Я давно мечтала убедить директора построить в школе что-то подобное, но он так и не одобрил проект. Жаль.

Линь пришёл прямо из столовой четвёртого сектора — у него не было с собой не только чемодана, но и книги таинств. Так что, когда наставница присела на корточки и стала перебирать содержимое чемодана, он лишь поднял взгляд к алхимическому светильнику на потолке и задумался о его цене.

— Его стоимости хватило бы, чтобы пройти полное восстановление тела и избавиться от генетической болезни, — заметил Фельдграу.

«Значит, где-то между тридцатью и сорока тысячами юаней», — подумал Линь и, ничуть не смутившись, улыбнулся Фельдграу, после чего подошёл к Яркитогге, чтобы одолжить пишущий предмет и чернила.

— Чтобы усилить связь, потребуется ритуал области Мастера Адгезии, — наставница объясняла так, словно вела у Линя лекцию. Она сунула ему в руки холодную стеклянную банку и кисть. — А ещё придётся указать местоположение фрагмента. Хм, верховный инквизитор полагает, что осколок может быть прямо в центральном отделении — значит, начнём поиски с него. Нам нужна полная карта здания...

«А? С чего они решили, что фрагмент может быть именно здесь?»

Линь принял из рук верховного инквизитора большую карту и постарался, чтобы на его лице не промелькнуло ничего лишнего.

Он макнул кисть в клей и стал промазывать обратную сторону карты, приклеивая её к полу, чтобы та не смещалась во время нанесения ритуальных кругов.

Механическое действие быстро очистило его мысли от лишних тревог, и он смог сосредоточиться на вариантах, которые обдумывал всю дорогу.

Использовать «Раковину» как основу для призыва фрагмента было вполне реально. Но если ритуал сработает, сразу после завершения Линь окажется лицом к лицу с холодным стволом пистолета верховного инквизитора.

«Может, стоит прикинуться больным? Всё равно скрывать боль в левом глазу не получается».

Раз уж использовался бинарный ритуал, требовалось два ведущих. И, как единственные два ритуалиста, посвящённые в тайну «Раковины», они с Яркитоггой были безальтернативными кандидатами. Вряд ли Инквизиция решит расширить круг осведомлённых.

Это могло дать ему отсрочку в несколько часов; может, день. За это время наверняка появилось бы лучшее решение.

Но после того, как бывший директор Листчес уже притворялся больным, чтобы уклониться от задания, попытка повторить такой же трюк в решающий момент выглядела бы подозрительно.

Второй вариант — подправить ритуальный круг и слегка изменить эффект.

Увы, наставница была не из тех, кто не проверяет учеников. Даже если она доверяла Линю, времени у них имелось достаточно, и она непременно просмотрит его половину круга. Котолюдка могла даже заставить его проверить её часть.

С подобной педантичностью шансы что-то незаметно подправить почти равнялись нулю.

Третий вариант — позволить ритуалу пройти, как задумано. Даже если обнаружится, что фрагмент у него в глазу, он сумеет оправдаться.

С момента исчезновения осколка у него действительно начались боли в глазнице. Даже сейчас это было очевидно.

Заместитель верховного инквизитора и кровеплотяные целители обследовали его и ничего не нашли. Как же тогда мог найти он сам? Значит, произошедшее являлось лишь случайностью — этот проклятый осколок просто сам вселился в Линя.

«Ах да, местные ведь не поймут значения слова "вселился"».

Главное скрыть, что он слышит зов фрагмента и шум прибора. Тогда его сочтут невиновным.

А он ведь действительно был невиновен! С самого начала он хотел держаться от фрагмента как можно дальше, это тот сам его нашёл!

Проблема лишь в том, что притягивало осколок, похоже, именно его собственное естество.

Он был тёмным богом; или, точнее, «тоской семени». И данный факт во чтобы то ни стало должен оставаться нераскрытым.

По крайней мере, не здесь, где убежать некуда.

«Заподозрит ли Инквизиция правду? Слишком мало информации, предсказать невозможно».

Как бы то ни было, выбор требовалось сделать.

Линь разгладил карту на полу. Яркитога, тем временем делавшая вычисления в тетради, позвала его и в привычной учительской манере показала:

— Вот смотри, здесь мы используем двойную структуру...

Линь слушал и кивал, потирая глаз.

Он знал: верховный инквизитор непременно обратит внимание на этот жест. Значит, симуляция болезни будет выглядеть убедительнее.

«Сначала первый вариант. А там, по обстоятельствам, можно будет перейти к третьему», — такое решение он принял и, выслушав наставницу, взял чернила с кистью и направился к левой стороне карты.

Рисование заняло около двух часов. В итоге вышли два ритуальных круга — большой и малый, асимметрично расположенные относительно карты. Казалось, они разделены, но на самом деле их края перекликались, создавая единый узор.

Точно так же, как «Раковина» и её осколки.

Как Линь и ожидал, Яркитога настояла на проверке друг друга. Он отправился к большому кругу, сверяя углы и ища возможные ошибки.

Когда они закончили, было уже десять вечера.

— Вроде всё, — Яркитога выпрямилась, потирая поясницу. — В это время дневные сотрудники уже должны спать.

Последняя часть условий ритуала — останки бога снов появляются лишь во сне.

Она встала у большого круга, Линь напротив — у малого.

В этот момент дверь распахнулась, и вернулся Фельдграу. С виду он ничуть не изменился, но шум прибоя в ушах Линя вдруг усилился.

«Раковина» была у него.

Линь почти увидел видение: белая пена прибоя ласкала его пальцы на мягком песке, он шёл по волнам и смотрел на пляж, где раковины и обломки перламутра, как сверкающая лента, тянулись вдоль побережья.

Видение мигом рассеялось. Фельдграу достал из внутреннего кармана пальто «Раковину», запечатанную в смолу медового цвета.

Это была раковина величиной с ладонь, покрытая снаружи коричнево-жёлтым узором с белыми краями, а изнутри — нежно-розовым цветом, напоминающим лепесток цветка.

На её кромке зияли сколы. И Линь мгновенно понял: именно туда идеально встал бы осколок, что сейчас разрывал его глаз.

Более того — эта раковина казалась ему знакомой.

Прежде чем он смог рассмотреть её получше, Фельдграу постучал по смоле.

Раздался треск, смола лопнула. Линь, даже не притворяясь, схватился за глаз от боли.

— А? — прозвучал знакомый мелодичный голос, полный недоумения и ярости. — Я, мать вашу, где?

Шок мгновенно заглушил боль. Линь, обливаясь потом, лишь слегка повернул глаз под повязкой и бинтами в сторону звука.

И увидел того, кто, как он слышал, девятьсот лет не покидал морскую бездну: синеволосого русала.

Русал появился прямо здесь, но никто, кроме Линя, не обратил на него внимания.

Босой, в рваном белом хитоне, он осмотрел зал, а потом встретился взглядом с Линем.

— ...

— ...

Русал мгновенно всё понял и отпрянул, торопливо сделав пять шагов назад — подальше от Линя.

<http://bllate.org/book/12612/1119980>